

Финляндия

Когда Аня приехала в город учиться, она была совсем ещё юной, невинной девушкой, совершенно не знавшей той суматошной городской жизни, что ей предстояло вести на новом месте.

Её пугали в городе каждая улица, каждый тёмный проулок. Дорога от колледжа до общежития представлялась чуть ли не полосой препятствий из светофоров и пешеходных дорожек, которую необходимо было преодолеть и при этом остаться в живых. Столь привычная для горожан суета приводила Аню в отчаяние, утомляя больше занятий и контрольных по химии, дававшихся ей всегда с великим трудом.

Она жила в непрестанной боязни чего-то ужасного, дурные предчувствия не покидали её ни на миг. Что говорить, если один только звук проезжавших мимо с пронзительным воем автомобилей вынуждал Аню вздрагивать и хвататься за сердце. А гул самолёта, заходившего на посадку, впервые услышанный на вторую ночь в общежитии, и вовсе чуть не довёл её до истерики, заставив девушку разрыдаться—столь явственно Ане вдруг представила катастрофа и её собственная страшная смерть в огне полыхающих останков разбившейся о землю машины.

И всё-таки ей нравилось в городе. Ей нравилось ощущение свободы, незнакомого прежде чувства лёгкости и эйфории—следствия первых дней самостоятельной жизни вдали от родителей. Это напоминало детские походы в лес вместе с друзьями, когда они ночевали в палатках и разжигали костры. Только теперь она была старше, и вместо походной романтики её преисполняла романтика городской жизни, а в сердце, томясь, пробуждались неведомые прежде желания.

И одним из этих желаний было желание любви.

Подобно героине мелодраматических фильмов о приехавшей в город деревенской простушке, Аня мечтала о каком-то красивом, страстном романе, о чём-то таком, что могло случиться лишь в городе и только с ней и нисколько бы не напоминало того обыкновенного, подчас несовершенного чувства, которое она наблюдала в деревне. Ей всерьёз думалось, что симпатия между мужчиной и женщиной сродни зёрнам каких-то диковинных злаков, приносящих свои

урожаи только в особенной почве в особо удачные годы.

Ей уже нравилось несколько мальчиков, живших вместе с ней в общежитии, но никто из них не казался ей исключительным, никто не тревожил её душевного равновесия. Как назло, они и не замечали её, уделяя внимание другим, как ей казалось, более привлекательным девушкам. Всё дело в том, что втайне она почему-то всегда принижала силу собственного обаяния, считая себя некрасивой, глупой, неинтересной, особенно в сравнении с теми девчонками, что прожили в городе всю свою жизнь. Во всём они разбирались решительно лучше её, будь то одежда или косметика, и в свои восемнадцать казались юными леди, в то время как Аня ещё лишь входила во вкус, постигая азы науки о женственности, смотрясь в своих пёстрых, по-попугаичьи ярких нарядах смешно и нелепо.

Всё чаще она не смыкала глаз по ночам, думая о своём будущем, которое ей представлялось всё мрачнее и безысходнее. Ей казалось, что она никому не нужна, что она проживёт всю жизнь старой девой. И постоянные шутки соседок по комнате относительно её одиночества лишь укрепляли девушку в этой мысли.

После первых экзаменов Аня совсем потеряла надежду. Только подумать: уже прошла целая осень и половина зимы, а она так ни с кем ещё не познакомилась, даже ни разу не сходила в кино. Её отчаяние усиливалось, когда она вспоминала своих однокурсниц, большинство из которых было счастливее её, потому что успело познать сокровенную тайну любви, превращавшую девушку в женщину и открывавшуюся только в первую ночь, проведённую с тем единственным, предназначенным самой судьбою, мужчиной.

Но вот, как это часто бывает в жизни, когда Аня от горя совсем уже было лишилась сна, долгожданная встреча свершилась. Это случилось на вечеринке, на съёмной квартире, в самом начале второго семестра, лишь Аня вернулась с каникул из дома.

Был ли он именно тем, кого она так долго ждала, храня его смутный образ в воображении? Возможно, и был. Во всяком случае, ей тогда показалось

именно так. На самом же деле она, скорее всего, просто увидела в нём сосредоточившие определённые качества и черт, которыми привыкла наделять в мечтах избранника сердца, нисколько не анализируя своих предпочтений, и эти качества и черты на какой-то момент заслонили от девушки всё, что могло пойти бы вразрез с её представлениями об идеальном мужчине. О том образе полубога — умного, красивого, самоуверенного, каким не прочь прикинуться на один вечер любой, даже самый посредственный представитель сильного пола, как правило, к моменту достижения совершеннолетнего возраста без труда овладевавший как минимум одной из этих ведущих к успеху у женщин ролей.

Он пошёл к Ане в самый разгар вечеринки, когда она танцевала с подругами в комнате. И хотя всё это время мысленно она только и призывала его это сделать — заметив парня стоявшим подле неё с протянутой для танца рукой, она едва не лишилась сознания. Смешение страха и радости, трепета и восхищения, пробудившихся в ней с его появлением, сделали следующий танец похожим на сон, в котором Аня кружилась, не касаясь земли, невесомая, словно пушинка.

С каждой прошедшей секундой новый знакомый казался Ане всё лучше и лучше — до такой степени, что было страшно этому верить. Он будто читал её мысли, и если она начинала скучать, он тотчас же её веселил какой-нибудь милою глупостью, тихо прошёптанной на ухо. И, как ни покажется это странным, больше всего её привлекали с его стороны проявления откровенного равнодушия, которые, несмотря на безусловную расположенность к девушке парня, иногда всё же смутно угадывались в отдельных словах и улыбках. Именно равнодушие, говорившее о наличии у избранника пока ещё неподвластной ей воли, а точнее, усилия, которые она должна была применить, подчиняя себе это сердце, нравились Ане в первую очередь.

Однако без должного опыта обольщения завоевать незнакомца было никак невозможно. Поэтому Аня неожиданно для себя избрала обратную тактику: самой во всём подчиниться мужчине, пытаясь тем самым снискать его одобрение и интерес.

Когда она осознала всю губительность этого шага, было уже слишком поздно. Увы, но Аня и сама потом не могла точно вспомнить, как могло так случиться, что, не сделав ещё последнего выбора, она будто досрочно пообещала себя, разрешив ухажёру делать всё, что ему пожелается. Ей, быть может, и хотелось порой возразить, но она не могла сказать «нет»: непокорный язык не желал её слушаться. К тому же, когда парень к ней прикасался, украдкой лаская груди и шёно, она ощущала прилив такого сильного наслаждения, от которого было нельзя отказаться, не отдавшись ему до конца.

Между тем в квартире, где они веселились, становилось всё многолюднее и тесней. И Аня уже готова была отдать всё на свете, лишь бы остаться наедине со своим новым знакомым, не в силах больше себя контролировать.

Наконец он сказал:

— Выйдем? Здесь слишком шумно.

— Да-да, пойдём, — поспешно согласилась она, покорно проследовав с ним в соседнюю комнату, шатаясь и всё время ударяясь о мебель.

— Раздевайся, я не могу больше ждать, — прошептал он в каком-то экстазе, покрывая тело её поцелуями. — Ты меня сводишь с ума!

Он увлёк её на кровать, неловко шаря руками по джинсам в поисках молнии.

— Поймай, — сказала Аня ему.

— Что? — произнёс он, продолжая её целовать.

— Да постой же! — повторила она, отстранившись насколько могла. — Утебя ведь нет другой девушки, правда?

В какой-то момент получить ответ на этот вопрос стало для Ани жизненной необходимостью.

— Да нет же, конечно. Кто тебе это сказал?

— Правда? — переспросила она простодушно, как девочка.

— Разумеется, да, — заверил он Аню. — Что я, по твоёму, не понимаю?

Чего он не понимал, Аня уже не думала разбираться. Счастливая, словно ей только что сделали предложение, она доверчиво прижалась к своему кавалеру, обвинив его крепко руками.

Вся последовавшая вслед за этим неделя была преисполнена ощущением долгожданного праздника. Аня посвящала своей первой любви каждый свободный миг жизни, и если они бывали не вместе, она устремлялась к нему в мыслях и грёзах, не знаящих, что такое разлука. И всё-таки вготере девушке стало казаться, будто любимый тяготиться их встречами, позволяя себе быть холодным и невнимательным, что крайне её беспокоило, вызывая дурные предчувствия.

— Знаешь, — наконец-то признался он по телефону, — боюсь, но мне скоро придётся уехать отсюда.

— Да? И надолго? — спросила она, холодея.

— Скорее всего, навсегда.

Аня замолчала, как оглушённая, не веря ушам. — Я не говорил, но в Финляндии у меня живёт дедушка. Он предложил мне продолжить образование там. И, в общем-то, я решил, что будет глупо с моей стороны пренебрегать такой прекрасной возможностью.

Он так и сказал: «прекрасной возможностью», — словно здесь, с Аней, у него всё было плохо и безнадежно.

В следующий миг она разрыдалась. Она плакала, как казалось ей после, до самой последней минуты прощания, когда, торопливо чмокнув её в мокрую от слёз щёчку, любимый скрылся в вагоне скорого

поезда. Этот поезд Аня ненавидела как ничто в своей жизни. Он увозил все надежды её на любовь, оставляя ни с чем, поруганной и опустошённой, словно сокровищницу, из которой разбойники вынесли все драгоценности.

Каким же было удивление Ани, когда через месяц она случайно встретила беглеца в городе. Как ни в чём не бывало он гулял с другой девушкой, что-то мило шепча той смешное на ушко, как шептал прежде ей.

Он заметил Аню, но сделал вид, что они незнакомы.

Золотая рыбка

Они жили втроем: Петя, мама и золотая рыбка.

Маме было уже тридцать лет, она была совсем старой. Пете исполнилось восемь — тоже вполне себе внушительный возраст, а золотой рыбке шёл только второй годик, она была ещё маленькой, и, честно признаться, когда Петя увидел её в первый раз в свой день рождения, он немало смутился такому подарку, не понимая, что ему теперь делать с золотой рыбкой и на кой ляд ему такая обуза.

Однако прошло несколько дней, и Петя переменял своё мнение. Бесспорно, рыбка была очень красивой и страсть какой занимательной, и малопомалу любознательный Петя нашёл удовольствие в своих наблюдениях за питомцей, которая, важно надувшись, всё равно как какая-нибудь королева, неторопливо курсировала от одного конца аквариума до другого, словно осматривая своё обширное царство. При этом вид золотой рыбки был настолько серьёзен и основателен, что и вправду казалось, что она занята нешуточным делом, от успеха которого могут зависеть многие судьбы и даже его, Петина, жизнь, что в конечном счёте внушило мальчику уважение к рыбке, такой крохотной и тем не менее уже озабоченной проблемами водного мира, решить которые она смело бралась в одиночку.

Осознание же, что он обладает совсем необычною рыбкою, пришло к нему постепенно. Конечно, Пете было известно, что золотые рыбки бывают волшебными, но поначалу ему попросту не приходила в голову мысль, что такое невероятное чудо, как встреча со сказочным персонажем, исполняющим любые желания, может случиться именно с ним, обыкновенным, ни чем не примечательным деревенским парнишкой.

Но вот однажды он заболел. У него были хриплый кашель и насморк и такая высокая температура, что Петя не в силах был даже подняться с кровати, уверенный в том, что не сегодня, так завтра его ожидает верная смерть. Он мог судить об этом наверняка, потому что как раз перед самой болезнью школьный учитель сказал на уроке, что от слишком сильного жара человек умирает, и Петя готов был биться сейчас об заклад, что

у него именно такой сильный жар, как говорил им учитель, и что, более того, если поднять одеяло, которым его укутала мама, он смог бы отопить целую спальную комнату, а может, и сразу весь дом вместе с кладовкою и верандой. В мысли о приближавшей смерти его укрепляла и мрачная обеспокоенность близких, бабушки и родной тётки, которые в этот день не отходили от него ни на шаг, вызванные мамой присмотреть за сыном, пока она была на работе. И хотя они нагло ввали ему на вопросы, когда он умрёт, отвечая, что он только чуть-чуть приболел и скоро поправится, это не могло сбить его с толку, ведь он уже был совсем взрослым и умел читать по глазам, которые, как он слышал, никогда не обманывают. Разумеется, в этом деле чтения глаз он считал себя непревзойдённым специалистом и, нисколько не смущаясь тем фактом, что он даже толком ещё не умел различать слова в книжках, смело брался за чтение самых сложных пергаментов человеческих душ, по правде сказать, видя в них решительно всё, что только приходило ему в бедовую голову.

Наконец, устав от мыслей о смерти, Петя забился тяжёлым, сбивчивым сном, и во сне ему привиделась рыбка. С тем же серьёзным, надменным лицом, с каким она обычно решала свои неизвестные мальчику рыбки дела, она сообщила ему, что избавит его от болезни, чтобы он якобы убедился в том, что она не какая-нибудь самозванка, но настоящая королева.

И действительно, проснувшись под вечер, Петя почувствовал себя лучше, найдя в себе силы подняться и самому, без чьей-либо помощи, сходить в туалет. А на следующий день он и вовсе позволил маме себя накормить неожиданно показавшимся на удивление вкусным куриным бульоном, который он до болезни ни за что не стал бы и пробовать, предпочтя ему излюбленный свой рацион из молока и хлеба с клубничным вареньем — обед сорванцов и маленьких непосед, которым всё время некогда и которые, будь на то их детская воля, верно б, и кушали стоя, а того и гляди — на бегу.

После этого случая Петя уже не сомневался в том, что его рыбка исполняет желания. Целыми днями он ходил ошарашенный, не замечая ни ночи, ни дня, снедаемый тайной своего всемогущества. То, о чём страстно мечтает любой человек, только лишь в нём зарождается беспокойство первых желаний, так неожиданно, ни за что ни про что, исполнилось в Петинной жизни, что он никак не мог избавиться от посещавших его против воли навязчивых мыслей о своей избранности. Точно чужой человек, гордый и самовлюблённый, бесцеремонно поселившийся в его голове, кто-то внушал ему такие мерзкие вещи, что порой он даже смущался, слушая их, что, однако, ничуть ему не мешало втайне с ними всегда соглашаться, не имея сил противостоять искушению.

Каждый день, лишь стоило Пете проснуться, он тотчас же загадывал очередное желание, а когда желаний не находилось, начинал мучительно их искать, лихорадочно роясь в своём воображении, как если бы оно было бездонным колдовским сундуком, куда поглубже сунь руку — и обязательно вытащишь что-нибудь этакое. И, нужно признаться, воображение никогда Петю не подводило, рано ли, поздно ли, но обязательно его выручая каким-нибудь новым, всецело им завладевавшим желанием, более не дававшим покоя до тех самых пор, пока рыбка его не исполнит.

За несколько месяцев, что прошли со дня открытия Петей волшебных свойств золотой рыбки, он загадал решительно всё, что только мог загадать мальчик восьмилетнего возраста. Первым делом он пожелал, чтобы больше ему никогда не болеть, и действительно это исполнилось в точности. Потом он просил о каникулах и о весне, просил, чтобы мама его поменьше ругала, и о многом другом в этом роде, что непременно сбывалось, иногда сразу, иногда нет, но всегда именно так, как ему того и хотелось.

Вскоре, однако, его желания стали более конкретными, и, как ни покажется это странно, в них всё меньше и меньше оставалось места для кого-то другого, будь то бабушка, мама или в целом деревня со всеми людьми, составлявшими ближайший круг интересов мальчишки. Отныне Петя просил рыбку об удочке, о новых снастях и о совсем маленьком раскладном ножичке, который он, как на грех, подсмотрел у одноклассника Мити во время игры в казаков и разбойников. Он мечтал о футбольном мяче и кроссовках, о лыжах и о коньках, и всё это, в отличие от весны, каникул и солнышка, не могло принадлежать сразу нескольким людям, разве лишь по отдельности, что делало Петю несчастным, обособляя его от окружающих.

Теперь когда исполнение его желаний запаздывало и мальчик не получал в срок того, о чём просил рыбку, он, не имея терпения ждать слишком долго, страстно желал каждому человеку, кто обладал вожделенным предметом, скорее его потерять, чтобы хотя бы не чувствовать зависти, день ото дня становившейся всё нестерпимей и злее. И так как желал Петя до неприличия многого, то в конце концов его зависть распространилась на всех людей без исключения, будь то взрослые или дети, вынуждая его ощущать тёмную радость при их неудачах и огорчаться всем их успехам и радостям.

Рыбку же он и вовсе порой ненавидел. Пользуясь тем, что она находилась в его полной власти, он жестоко наказывал её за нерадивость, надеясь если не уговорами, то грубой силой заставить её исполнять все желания, отказаться от которых теперь, как чувствовал Петя, он уже ни за что

бы не смог. Мальчик по нескольку дней морил рыбку голодом, нарочно забывал поменять воду в аквариуме и оставлял лампу, висевшую над её водной тюрьмой, включённой всю ночь напролёт, тем самым пытаясь лишить её сна. Но ничего из этого не выходило: рыбка оказалась крепким орешком и явно не желала сдаваться. С завидным мужеством она терпела все издевательства мальчишки, своим невозмутимым царственным видом как бы давая Пете понять, что она его презирает и совсем не боится.

Наконец мальчик решил поставить рыбку условие.

Усевшись напротив аквариума на плетёную табуретку, специально для этого случая принесённую им из кухни, он торжественно объявил, положив руку на сердце, как того требовали обстоятельства:

— Клянусь перестать тебя мучить и немедленно отпустить, как только я получу в подарок велосипед, такой же, как у Васи Трещоткина. Честное слово, больше я ничего у тебя не попрошу, и ты станешь свободной, самой свободной золотой рыбкой на свете.

И Петя замолк на мгновение, наблюдая за произведённым его словами эффектом. Рыбка медленно плыла у самой поверхности мутной воды, то и дело широко раскрывая свой рот, словно хватая им воздух, и, казалось, даже не слышала своего экзекутора.

— Но если ты не исполнишь это желание, — продолжал грозно мальчик, подражая героям излюбленных фильмов, — тогда — «асталависта!» — сказал важно он, имея в виду нечто ужасное. — Так что хорошенько подумай об этом, если, конечно, ты дорожишь своей жизнью.

Озвучив эти нехитрые пункты своего соглашения, Петя тотчас же успокоился, понимая: против такой очевидной угрозы не устоять даже золотой рыбке. И, считая дело улаженным, он почувствовал себя так, будто велосипед уже стоял у него во дворе, весь день пребывая в приподнятом состоянии духа. Насвистывая под нос мотив какой-то весёленькой песенки, он, исполняя свою часть обязательств, почистил аквариум, менял воду и накормил бедную пленницу, всё это время представляя в уме, как он быстрее самого ветра мчится по деревне на новеньком велосипеде, на серебряной пуле, и Вася Трещоткин, его ненавистный сосед, увидев Петю, багровеет от бешенства.

На фоне этой радужной выдумки все остальные желания Пети померкли, сделавшись несущественными, и он искренне уверился в мысли, что, став обладателем велосипеда, он и вправду уже ни о чём никогда не будет мечтать, как человек, обретший вечное счастье.

Две недели, последовавшие вслед за этим, прошли для мальчика точно во сне. Всё это время

он только и делал, что воображал своё будущее, неразрывно связанное с велосипедом. Вся жизнь, все её повседневные радости, все заботы виделись Пете теперь в каком-то новом, особенном свете, воскрешавшем былую их новизну. На велосипеде он ездил на речку, ходил за коровами и в магазин, что превращало эти занятия из обыденных, порядком наскучивших дел в увлекательные приключения. Сколько всего он теперь мог перечувствовать заново, сколько всего испытать, сколько сделать новых открытий там, где всё казалось безнадежно известным и скучным. И всё это благодаря обладанию одной-единственной вещью!

В мечтах о близком счастливом будущем он даже забыл про ход времени, не задавая вполне справедливым вопросом: когда же наконец-то осуществится желаемое? — словно это было не так уж и важно по сравнению с той великой мечтой, открывшейся вдруг перед ним. Красота фантазийной реальности была столь ослепительной и так легко поддавалась всем малейшим движениям Петиной мысли, принимая любую необходимую ему форму, что в какой-то момент она стала самодостаточной, безболезненно перенося разобщённость с действительностью.

Однако, когда однажды в окно их с мамой дома, выходящее в палисадник, кто-то неожиданно постучался, Петино сердце тотчас мучительно сжалось в предощущении чуда. В один прыжок он очутился возле высокой плотной гардины, откуда слышался стук неизвестного, и, отдернув её, с нетерпением взглянул за окно. Снаружи стоял невысокий коренастый мужчина с обросшим щетиной лицом, в котором Петя с испугом узнал родного отца. Отец что-то кричал ему, жестикулируя, прося мальчика выйти на улицу.

— Мама, — позвал маму Петя. — Батя приехал.

— Что ты сказал? Я не слышу, — переспросила та из другой комнаты.

— Я говорю, батя приехал, — повторил мальчик.

И трудно было сказать, чего больше слышалось в его голосе в этот момент — разочарования или тревоги.

— Мама, он опять пьяный! — добавил Петя мгновение спустя, ещё раз взглянув на стоявшего в палисаднике человека.

В следующий миг мама вошла в комнату и, придерживая одной рукой не завязанный на талии халат, а другой убирая упавшую на глаза чёлку, подошла спешно к окну.

— Мама, зачем он приехал? Скажи ему, пусть уезжает.

— Уедет как миленький. Куда он денется, твой папаша? — ответила недовольная мама. — Я только спрошу, что ему нужно, а то он не успокоится. А ты жди меня здесь, пока я тебя не позову.

И она вышла на улицу, а мальчик остался один, жадно прислушиваясь к тому, что происходило

снаружи. Вот заскрипела, отворяясь, калитка, и Петя услышал родительские голоса. И хотя разобрать, о чём именно говорили родители, Петя не мог, однако смысл разговора понять было нетрудно. Отец хотел войти в дом, а мама его не пускала, отчего он кричал на неё и сердился.

Наконец ругань стихла, и, к своему ужасу, Петя услышал, как мама зовёт его выйти на улицу. Такого предательства с её стороны он никак не ожидал, но спастись бегством уже было поздно. — Ну и где это ты пропадал, спиногрыз? — спросил отец мальчика, когда тот вышел из дома. — Совсем, что ли, батю забыл? Без родного отца, значит, лучше живётсЯ?

— Перестань, Витя! — попросила усталая мама. — А ты вообще молчи, сучка. Я с тобой не разговариваю, — пошатнувшись, огрызнулся отец. — И что, долго ты так будешь стоять? — вновь обратился он к сыну. — Подошёл бы хоть, батю, что ли, обнял после разлуки.

Отец стоял, опершись рукой о поленницу, расставив широко ноги, и мутными, воспалёнными с похмелья глазами недобро смотрел на мальчишку, отчего Петя никак не решался сдвинуться с места, словно парализованный этим взглядом.

— Кому говорят! Или ремня захотел схлопотать? — Ну, подойди к нему, Петя, сыночек. Это он так, только шутит. Не бойся, — заверила мальчика мама, всё так же придерживая рукою халат, чтобы он не распахнулся от лёгкого ветра.

— А ты почём знаешь, дура, шучу я или нет? — рассмеялся отец хорошо знакомым Пете злым смехом, которым он имел привычку заходиться, как казалось, в самый для этого неподходящий момент, точно смеясь над какой-то другой, не высказанной ещё шуткой, бывшей гораздо смешнее произнесённой. — Захочу — и кто меня остановит? Ты, что ли, женщина?

— Найдётся кому. Не одна живу я в деревне, — спокойно ответила мама.

— Ой-ой-ой, тоже нашлась мне принцесса. Да кому ты нужна — тебя защищать? Моя семья, что хочу, то и делаю с вами, понятно? — сказал ей мужчина и харкнул на поленницу. — Ну что ты, заснул, что ли, Петька? Долго я ещё здесь буду стоять?

Подойдя неохотно к отцу, Петя опустил голову, уставившись на его грязные сапоги, тяжело, словно две неподвижные колонны, попиравшие мутную лужу, оставленную вчерашним дождём.

— Ну и вымахал ты за это время. Скоро мне с тобой не справиться. Скажу что-нибудь поперёк, а ты сразу кулаком в дыню за всё хорошее, — сказал отец сыну, опять засмеявшись своим неожиданным смехом.

— Будешь приезжать к нему пьяным, так и вправду скоро получишь, — заметила мама.

— Замолкни, стерва, я с сыном беседую, — огрызнулся отец.

Опустив руку на голову мальчика, он потрепал его по волосам, вызвав в Пете целую бурю молчаливого негодования.

— Ты рожу-то сделай попроще, пока я её тебе не поправил,— дыхнул на сына отец удушливым запахом спирта и сигарет, продолжая трепать его, как собаку.— Не кривись, я сказал,— прикрикнул он и залепил мальчику подзатыльник.

— Мама!— воскликнул Петя.

— Что мама? А ну не реветь, сосунок!

— Я не сосунок,— сдерживая побежавшие было слёзы, ответил мальчишка.

— А кто ж ты тогда? Ревёшь, как девчонка.

— Я не девчонка!— выпятив грудь, крикнул он.

— Так-то лучше,— похвалил отец сына.— И рожу, я сказал, не криви,— снова ударил он мальчика по затылку.

На этот раз Петя перенёс затрещину стойко. Расправив плечи, он устремил на отца немигающий взгляд исподлобья, хрипло сопя, точно маленький зверь. Взглянув на них в этот миг, можно было лишь подивиться тому, как сильно они походили один на другого. Оба приземистые, сутуловатые, с широко расставленными ногами по сторонам, они напоминали двух расвирепевших бычков, готовых вот-вот кинуться друг на друга.

— Так-то лучше,— похвалил снова отец.— А то разверещался, как голодный галчонок,— произнёс он и опять засмеялся над собственной шуткой.— А я ведь, между прочим, не просто так сегодня припёрся из города. Если хочешь знать, у меня для тебя есть подарок.

— Спасибо,— всё ещё хрипло сопя, сказал Петя.

— Да ты подожди ещё благодарить-то. Я ведь пока ничего не подарил.

— Как скажешь,— равнодушно пожал мальчик плечами.

— Ну-ка пойдём. Я его сейчас тебе покажу. Он ждёт за оградой.

И отец вывел Петю на улицу. Чуть вдалеке, на обочине сырой, раскисшей дороги, по обеим сторонам которой тянулись деревенские одноэтажные домики с палисадниками и ржавыми черепичными крышами, стояли незнакомые «Жигули» жёлто-белого цвета с открытым багажником, откуда торчало огромное хромированное колесо новенького велосипеда.

— Эй, Жгут,— свистнул отец.— Доставай наш подарок.

В этот же миг из машины вылез высокий худой человек в спортивных штанах и футболке неопределённых оттенков и засуетился возле багажника, пытаясь распутать верёвку, протянутую от капота до заднего бампера.

— Ну что ты там возишься?— прикрикнул отец на приятеля, подходя к нему с сыном.

Он шёл, засунув руки в карманы, дымя сигаретой в зубах, а мальчик плёлся за ним, как на привязи.

— Узел, сука, тугой. Никак не могу развязать.

— Это руки у тебя из жопы растут, а не узел,— сказал отец, взглянув на верёвку.— Ну-ка, дай-ка попробую,— отстраняя Жгута, произнёс он.— А то ты так до вечера будешь возиться.

— Да пожалуйста, ваше высочество,— ответил приятель.

Руки у отца были большими и пухлыми, как у утопленника, сплошь в каких-то шрамах и ссадинах, в чёрных мазутных пятнах. Каким же было удивление Пети, когда эти самые руки, казавшиеся такими неловкими и большими, вдруг с проворностью фокусника стали развязывать крошечный узел величиной не больше горошины.

— Держи, спиногорыз, свою серебряную пулю,— добродушно сказал отец, доставая из багажника велосипед.

Оказалось, он был одной из последних моделей, с карбоновой рамой и восемью скоростями, именно такого цвета, как хотел Петя. Однако ожидаемой радости он не почувствовал. Его одолевала обида и злость и какое-то неуместное чувство тоски, как будто всё случилось не так, как ему представлялось до этого.

— Ну что же ты стоишь, не попробуешь свою пулю?

Удиви-ка папашу каким-нибудь суперским трюком.

— Как-никак в такую даль пидорили эту херовину,— устало вздохнув, произнёс Жгут.

— Сам ты херовина! А этот велосипед— чудо современной инжиниринговой мысли,— ответил отец, произнеся последние три слова почти по слогам, выставив в небо указательный палец.— Во как. Понял меня?— спросил он, опять засмеявшись.

— Понял, что в тебе продавец-консультант умиряет спортивных товаров.

— Сам ты у меня скоро умрёшь,— отмахнулся отец от Жгута.— А во мне здоровья на десять быков. Вон какие ручищи, не то что твои плети,— сказал он, показав Жгуту мускулистые руки, и повернулся к мальчишке:— Ну же, Петька, давай прокатись, а я погляжу.

Мальчик сел на велосипед и, оттолкнувшись, покатился по грязи.

— Осторожней только!— воскликнула мама, всё это время молча стоявшая у калитки.

— Молчи, баба. Делаешь мне из мужика барышню,— рывкнул Витя в ответ.— Один хрен ниже земли не провалится.

— Это верно,— подтвердил Жгут.— А земля-то— она вон нынче мягкая.

— Вот именно,— не поняв, серьёзно тот или смеётся, повернулся Витя к приятелю, смерив его недоверчивым взглядом, но уже через секунду вновь смотрел на мальчишку, и по его беспокойным вздохам и бормотанию было ясно, что он хоть и по-своему, но переживал за своего сына.

— Эй, выворачивай на дорожку. Слышишь?— закричал он ему.

— Что? — раздражённо воскликнул Петя, не повернувшись к отцу.

— Я говорю, выворачивай на дорожку. Там суше.

— Не хочу, — ответил мальчишка.

— Петька, кому говорят! Выворачивай живо.

И снова нехотя сын подчинился, свернув на дорожку.

— Эх, один хрен не проедет, — сказал Витя Жгуту сокрушённо. — Грязь по самые ступицы.

— Да, сюда б вездеход в самый раз, как в прошлый раз на заимке.

— Ничего, мой сын справится, — гордо заявил Витя. — Не пальцем всё-таки деланный, — и, глядя, как его Петька на всём ходу форсирует огромную лужу, спросил: — Что у нас, кстати, там по припасам?

— По припасам полный порядок. Полдеревни хватит спойть.

— Давай начисли мне фронтовые для храбрости. Пойду брать старую крепость, — и он недвусмысленно взглянул на жену.

— Будет сделано, — сказал Жгут.

Достав из машины наполовину початую бутылку водки, он подал её другу, и тот, отвинтив крышку, жадно отпил из горла. Затем, привычно занюхав крепкий напиток ладонью, Витя с усилием выдохнул и, скривившись лицом, произнёс: — До чего же водка пошла нынче невкусная. Аж слезу выбивает.

— А пьёшь с аппетитом, — сказал Жгут, принимая бутылку обратно. — Даже самому захотелось попробовать.

— Ничего, погоди малость, скоро поедем.

— Я вот как раз про то и подумал. Не задержаться б нам здесь. А то ты уйдёшь сейчас — и с концами. — Окстись, — отмахнулся мужчина и, выпятив грудь, пошёл вперёд нетвёрдой походкой, как будто под ним качалась земля.

Старая крепость оказалась не такой уж и неприступной, или Витя просто знал тайный ход, но через пару минут он уже громко смеялся с женой, рассказывая ей какую-то шутку, и Петя, круживший неподалёку, то и дело бросал на них тревожные взгляды.

Наконец отец крикнул:

— Эй, байкер. Давай скорее домой.

— Не хочу, — обернувшись, сказал Петя, привстав над седлом велосипеда.

— Что значит — не хочешь?! Давай без разговоров.

— Я только ещё пять минут, — канючил мальчишка, который, оправившись от приезда отца, уже начал себя чувствовать полноправным владельцем двухколёсного чуда.

— Дуй сюда, говорят. Будем чай пить. Я привёз торт.

— Не хочу, — повторил Петя и медленно поехал вперёд, всё время оглядываясь, точно боясь, что за ним побегут.

— Ты что же, торта не хочешь, что ли, гадёныш?

— Нет, — сказал Петя, удаляясь от дома.

— Так, — сделал вперёд один шаг, со злостью закричал отец, — а ну-ка живо назад! Иначе я тебе больше ни черта не куплю. Можешь быть в этом уверен. Помяни моё слово.

Петя молча катился вперёд, склонив голову, словно в раздумье.

— Никаких тебе больше велосипедов, ты слышишь? Никаких подарков на день рождения и Новый год, — отец кричал, грозно махая руками вслед мальчику. — Вот, значит, твоя благодарность отцу за всё хорошее!

— Витя, пойдём уже в дом. Он скоро вернётся, — сказала жена.

— Молчи, стерва. Нет чтобы научить сына отца любить, так ты ему ещё и потакаешь.

— Он ведь ребёнок совсем, — продолжала успокаивать женщина.

— Да какой он ребёнок? Я в его возрасте пахал от зари до зари, а он, понимаешь ли, на велосипеде катается. И не было у меня такого отца, который бы делал дорогие подарки.

В этот момент мальчик неожиданно развернулся, на что-то решившись. Быстро подъехав к отцу, он спрыгнул с велосипеда, едва успев остановиться, и стремительным шагом направился в дом, даже не обратив внимания на то, что, лишившись своего седока, его серебряная пуля упала на землю.

— А ну-ка вернулся и поднял велосипед, — приказал отец сыну.

— Сам подымай, — ответил мальчишка.

— Ах, вот, значит, как ты, гадёныш! Ну, держись у меня, — произнёс мрачно отец, направившись в дом.

— Нет, Витя, не надо! — попыталась преградить ему дорогу жена, но он её оттолкнул.

— Пошла вон, стерва. Я научу его уважать старших.

Дальнейшее было ужасно. Отыскав Петю в его детской комнате, отец снял со штанов страшный чёрный ремень и, схватив сына за воротник, принялся с пьяным остервенением стегать его всюду, куда только ложилась рука: по спине, по заднице, по ногам, очень скоро превратив тело мальчика в один сплошной истерзанный комок боли, пульсирующий обжигающим пламенем ссадин. Хотелось заплакать, но почему-то слёз не было, будто их выжгло страдание, и Петя только жалобно вскрикивал под каждым новым ударом.

— А теперь подумай над своим поведением, — сказал, задыхаясь, отец и, бросив мальчика на кровать, удалился.

Петя пришёл в себя только под вечер. Весь день он пробыл у себя в комнате, строя коварные планы отмщения, но ничего придумать не мог. Сначала ему пришла было в голову мысль сбежать из дома, но потом, расценив, что такой шаг навряд ли расстроит отца, который будет лишь рад тому, что Петя навсегда исчезнет со света, он отказался

— Ну чего носишься как угорелый?— спросил Петю отец как ни в чём не бывало.

Мальчик так и застыл на пороге, не веря своим же глазам.

— Ну-ка марш руки мыть— и за стол. На рыбалку пойдём после завтрака.

Внезапные слёзы затуманили Пете глаза. Едва держась на ногах, он то ли бросился, то ли упал к отцу на колени, уткнувшись лицом ему в грудь.

— Ну что ты, что ты?— похлопал отец его по плечу.— Из-за вчерашнего, что ли, так убиваешься?

— Нет,— промычал Петя, замотав головой.

— Ты давай это брось, понял меня? Всё-таки не хрустальный, ничего с тобою от двух тумачков не случится. Лучше уж я тебя воспитаю сейчас, чем потом за меня это сделает жизнь.

Помолчав секунду, Петя спросил:

— Батя, а как мы пойдём, ведь вода коренная?

— Так мы с тобой поедем на озеро. Только бы мотоцикл мой не подвёл.

— Да? А на какое?— встрепенулся мальчишка.

— Вишь какой. Всё ему нужно знать. Мой давай руки, после и поговорим.

— Я сейчас, мигом,— спешно вытирая лицо, сказал Петя.

В следующее мгновение мальчик выбежал в коридор и хотел уже было бежать к ручной-нику, но вдруг, вздрогнув, остановился. Обернувшись с опаской назад, не смотрят ли на него взрослые, он на цыпочках прокрался в детскую комнату и, взяв лежавший на столе возле аквариума сачок, принялся вылавливать из воды волшебную рыбку.

— Ну где ты там? Заблудился, что ли?— крикнул из кухни отец.

— Нет, только футболку надену,— нашёлся находчивый Петя и, поймав рыбку, не раздумывая бросил её на ковёр, на верную гибель, чтобы она никогда не смогла уже больше исполнить его последнее желание.